

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

(Изъ поученія высокопреосвященнаго Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго). Услыши ны Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли и сущихъ въ мори далече!

Обыкновенно мы почти всѣ безъ исключенія не слушаемъ, не слышимъ, и конечно не разумѣемъ и сердцемъ не воспринимаемъ такъ называемаго предначинательнаго псалма, который обыкновенно по чину церковному читается въ началѣ молебнаго пѣнія, положеннаго и всегда совершаемаго на новый годъ. Проведши всю жизнь свою, за исключеніемъ самаго ранняго дѣтства, въ городахъ, я вотъ уже больше 45 лѣтъ отчетливо помню, какъ совершается это молебствіе; и въ разныхъ городахъ на разныхъ концахъ Россіи получалъ одно и тоже впечатлѣніе. Вотъ послѣ тревожно, по язычески проведенной ночи, послѣ томительной всеночной бессонницы или короткаго къ утру тяжелаго сна, большинство, по народному обычаю и общественному долгу, пожалуетъ во храмъ Божій за преполовеніе службы Божіей, такъ что къ концу обѣдни церковь и порядкомъ наполнится. При этомъ, всякій входящій на томъ мѣстѣ, гдѣ остановится, видитъ кругомъ себя все знакомыя лица. Будетъ уже часовъ шесть тому назадъ, какъ разстались послѣ полуночной встрѣчи новаго года, и нужно всякому сказать привѣтливое слово, всякому улыбнуться, кивнуть вдали стоящимъ хоть головою: „съ новымъ моль годомъ“. Безъ этого нельзя, неприлично. Во вчерашнемъ собраніи, конечно, взаимно поздравлялись съ новымъ годомъ, но и въ храмѣ Божіемъ поздравить другъ друга не лишнее. Такъ много интересныхъ впечатлѣній прожито за прошлую ночь,—интересно ими подѣлиться: „какъ моль почивалось“?.. А тамъ, гдѣ работаетъ телеграфъ,—а гдѣ онъ теперь не работаетъ?—къ утру новаго года извѣстно бываетъ много и не мѣстныхъ, иногда и не маловажныхъ новостей. „Слышали, а? Такой-то пожалованъ? а?! А такой-то провалился—у-а!“ Между тѣмъ обѣдня идетъ своимъ чередомъ. „Тянуть какъ!“—думается однимъ,—„столько визитовъ впереди, время нужно“! А другимъ, во взаимномъ сообщеніи интересныхъ новостей и живыхъ впечатлѣній, и не замѣчается, какъ улетѣло полчаса и какъ божественная литургія Василія Великаго, котораго и память нынѣ совершается, пришла къ концу. И вотъ торжественная серьезная процессія священнослужителей двигается въ среду предстоящихъ во храмъ, и среди живой церкви начинается послѣднее чинопослѣдованіе праздничнаго священнодѣйствія, возглашается молебное пѣніе на новый годъ, на которое собственно, наконецъ, и собрались всѣ эти люди, вся эта живая церковь Христова. Пройдетъ еще четверть часа,—много двадцать минутъ службы Божіей, и всѣдохнутъ свѣжимъ воздухомъ улицъ; казалось-бы, пора и опомниться, гдѣ мы и что мы, и сосредоточиться, а пожалуй и помолиться. И звучный голосъ діакона, чтобы не задерживать, частить: „Тебѣ подобаетъ пѣснь Боже въ Сіонѣ“... Но частить гласомъ вопіющаго въ пустынь: потому что отъ стѣнъ церкви каменной отражается довольно звучный оглушающій гулъ общаго шопота или даже полуговора, пока еще не умолкающаго. И думается: Боже! Кому либо изъ насъ навѣрное не быть въ храмъ Божіемъ на будущій новый годъ, а онъ пока еще улыбается, поздравляетъ, интересуется текущими новостями... Поютъ пѣвчіе, звучитъ голосъ протодіакона, возглашающій эктенію—пространное моленіе на новолѣтіе. Гремить: вонмемъ! Раздается большею частію слабый, дребезжащій, нерѣдко старчески изнемогающій голосъ предстоятеля архіерея: „Миръ всѣмъ! Во время оно прииде Исусъ въ Назаретъ“... И

гуль говора, постепенно замолкая, наконецъ смолкъ. Восторжествовало, наконецъ, не общественное, а церковно-общественное приличіе... которому давно бы восторжествовать пора. А когда пригласятъ всѣхъ паки и паки преклонше колѣна помолиться Господу, и тотъ же дребезжащій голосъ архіерея зачитаетъ послѣднюю молитву, — тогда рѣдкая рука не поднимется до высоты груди сдѣлать крестное знаменіе, рѣдкая грудь не испуститъ вздоха къ небу или хоть въ землю изъ понурой головы: Господи! что-то будетъ?! И только тогда, только въ этотъ послѣдній моментъ, надъ этою колѣнопреклоненною церковію дѣйствительно пронесется духъ не отложенія всякаго житейскаго попеченія, нѣтъ, но духъ страха за жизнь, за житейское положеніе, за благоденствіе свое и близкихъ, — быть можетъ, духъ и сокрушенія о грѣхахъ, духъ страха кары Божіей, духъ покаянія и умиленія, духъ вопля къ небу о помилованіи бѣдныхъ грѣшниковъ: „Господи! Отъ нихъ-же первый есмь азъ, пощади и помилуй“... И пролетитъ моментально ангель молитвы надъ воздыхающими колѣнопреклоненными, и соберетъ въ свое кадило молитвы святыхъ и грѣшниковъ сокрушенныхъ, и вознесетъ ихъ въ дымѣ кадильномъ къ престолу Вседержителя...

Скажу, что у насъ въ семь градѣ, обыкновенно, бываетъ лучше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Но приводилось кое-гдѣ видѣть и хуже, чѣмъ сказано. А общій характеръ, съ отбѣнками большей или меньшей густоты, вездѣ одинъ и тотъ же. Вездѣ остается желать большей сосредоточенности, большаго вниманія къ молитвѣ церкви, большей молитвенной теплоты. Рѣшите, вотъ, кто изъ насъ въ будущей новый годъ не будетъ въ церкви, не только въ этой, но и ни въ какой на землѣ! А будетъ-ли и въ небесной церкви праведниковъ торжествующихъ?.. Станемъ-же добрѣ, станемъ со страхомъ, вонмемъ святое возношеніе въ мирѣ приносить. Вонмемъ въ молитвословія церкви, вонмемъ именно въ предначинательный псаломъ нынѣшняго мѣтебствія, и тогда поймемъ, даже почувствуемъ, о чемъ и какъ подобаешь намъ молиться на новолѣтіе. Тогда сейчасъ повѣетъ въ насъ святымъ духомъ священной древности, духомъ ея священной поэзіи; возношенія ума и сердца древнихъ богодухновенныхъ праведниковъ къ Богу; и самъ Духъ Божій, вѣющій въ псалмахъ, дохнетъ и въ нашихъ сердцахъ воздыханіями неизглаголанными, но какъ разъ благопотребными намъ въ настоящую священную минуту...

НОВЫЙ ГОДЪ ВЪ СТАРИНУ НА РУСИ.

Съ принятіемъ христіанства отъ Грековъ, въ Россіи было введено и греческое лѣтосчисленіе, по которому церковный годъ начинался съ марта, согласно съ библейскимъ счисленіемъ, а гражданскій съ сентября, — такъ, какъ начинался онъ у римлянъ во времена Кесарей. Но нашъ первый лѣтописецъ, преподобный Несторъ, и продолжатели его лѣтописи ведутъ счисленіе лѣтъ все таки не съ марта или съ сентября, а отъ Пасхи до Пасхи. Такимъ образомъ у насъ въ самомъ началѣ была допущена нѣкоторая неопредѣленность въ празднованіи Новаго года. Это обстоятельство подало поводъ къ спору о началѣ Новаго года. На соборѣ Московскомъ, бывшемъ въ 1348 году, во время княженія Симеона Гордаго, при митрополитѣ Феогностѣ, опредѣлено: церковный и гражданскій годъ считать съ сентября. Въ 1505 году, по случаю опредѣленія пасхальнаго круга, который былъ составленъ у насъ Генна-

діемъ, архіепископомъ Новгородскимъ, и провѣренъ Филоеемъ, епископомъ Пермскимъ, созванный соборъ вновь утвердилъ начинать Новый годъ съ 1-го сентября. Такимъ образомъ можно думать, что до 1348 года у насъ Новый годъ начинался съ марта, а съ этого года — съ сентября. Поэтому-то 1-е сентября, какъ день Новаго года, въ старину было такъ важно для нашихъ предковъ во многихъ отношеніяхъ. День этотъ считался срочнымъ для платежа оброковъ, податей и пошлинъ. Поселяне и торговцы начинали свои счета и расчеты съ Симеонова дня, т. е. съ 1-го сентября; въ этотъ же день „ставились на судъ“ въ Москвѣ всѣ имѣвшіе различныя тяжёбныя дѣла, кои не могли быть разрѣшены удовлетворительно мѣстными учрежденіями.

Встрѣча и празднованіе Новаго года въ старину представляють собою много любопытнаго.

Въ Москвѣ обыкновенно происходило слѣдующее. Съ наступленіемъ Новаго года, наканунѣ 1-го сентября, москвичи собирались по семейно къ старшему въ родѣ, и въ тишинѣ, съ скромностью, встрѣчали новое лѣто. Въ полночь съ Кремля вѣстовая пушка извѣщала всѣхъ обывателей о наступленіи новаго года; колоколь призывалъ къ заутренѣ. Всѣ спѣшили въ Кремль, желая встрѣтить Новый годъ вмѣстѣ съ царемъ и патриархомъ, въ Успенскомъ соборѣ. Съ разсвѣтомъ, по окончаніи заутрени, народъ уже толпился на площади, между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. Здѣсь, посреди площади, прямо противъ Краснаго крыльца, устраивался обширный помостъ. Онъ былъ огороженъ кругомъ выточенными рѣшетками, которыя были расписаны разными красками, а по доскамъ былъ устланъ турецкими и персидскими коврами. Съ восточной стороны на немъ поставлялись три аналоя, изъ которыхъ на одномъ ставили образъ Симеона лѣтопроводца; предъ налоями горѣли свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ; здѣсь же поставлялся столецъ для освященія воды. Съ западной стороны устраивались два особыхъ мѣста: одно, обитое червчатымъ бархатомъ и парчею — для государя; другое, покрытое персидскимъ ковромъ — для патриарха. Часу въ десятомъ утра совершалось высшимъ духовенствомъ особое молебное пѣніе „на лѣтопровожденіе“ съ водоосвященіемъ, на которомъ присутствовалъ самъ царь съ своею свитою. Патриархъ выходилъ на этотъ молебенъ изъ западныхъ вратъ Успенскаго собора въ преднесеніи иконъ, крестовъ и хоругвей, и въ сопровожденіи духовенства въ богатѣйшихъ облаченіяхъ. Когда такимъ образомъ выходилъ церковный клиръ на площадь, то изъ дворца, съ Благовѣщенской паперти, показывалось шествіе государя. Царскій выходъ возвѣщался звономъ на колокольнѣ Ивана Великаго во всѣ колокола съ „реутомъ“. Звонъ продолжался до тѣхъ поръ, пока государь вступалъ на мѣсто. На ступенькахъ ближніе столѣтники поддерживали государя подъ руки. Государь прикладывался къ Евангелію и иконамъ, потомъ принималъ отъ патриарха благословеніе животворящимъ крестомъ и рукою. Патриархъ при этомъ спрашивалъ государя „о его царскомъ здоровьи“. Духовныя власти тогда становились по чину — по обѣ стороны мѣсть государева и патриаршаго; бояре же и весь царскій синклитъ по правую сторону государя и за его мѣстомъ — также по чину. Соборная площадь еще задолго до царскаго выхода вся почти покрывалась служилыми людьми, стоявшими парадно въ разныхъ мѣстахъ по предварительной росписи. Начиналось молебное пѣніе съ водоосвященіемъ. Всѣ съ благоговѣніемъ внимали церковному служенію. По совершеніи службы, патриархъ осѣнялъ крестомъ государя и „здоровствовалъ“ ему длинною рѣчью, въ

которой желалъ ему побѣды и одолѣнія на враговъ, возвышенія его надъ всѣми иноземными народами, устройства и вообще всякаго благоденствія. Государь съ своей стороны благодарилъ патріарха краткою рѣчью и потомъ прикладывался къ евангелію и святымъ иконамъ. Послѣ того, госу-

сударь отвѣчалъ также поздравленіемъ. Затѣмъ бояре поздравляли патріарха, властей и весь освященный соборъ: старѣйшій бояринъ говорилъ и имъ рѣчь; духовенство отвѣчало тоже поздравленіемъ и благословеніемъ. Когда оканчивались эти обоюдныя поздравленія гражданскаго и церковнаго синклита съ

Крещеніе Господне.

даря и патріарха поздравляли съ Новымъ годомъ духовныя власти, подходя по два въ рядъ и низко поклоняясь имъ. Государь отвѣчалъ наклоненіемъ головы, а патріархъ благословеніемъ. Потомъ поздравляли государя бояре и всѣ свѣтскіе сановники, кланаясь чуть не до земли, причемъ одинъ изъ старѣйшихъ говорилъ ему поздравительную рѣчь, на которую

новымъ лѣтомъ, государя тогда поздравляла вся площадь, всѣ стрѣлецкіе полки, присутствовавшіе здѣсь, и все многое множество народа, „весь міръ“—всѣ въ одно мгновеніе ударяли челомъ въ землю и многолѣтствовали царскому величеству, восклицая „на многія лѣта, надежда-государь!“ Государь отвѣтствовалъ „міру“ поклономъ. По свидѣтельству очевидцевъ

это была трогательная картина благоговѣйнаго почтенія къ вѣнценосцу. По окончаніи поздравленій государь, приложившись ко кресту и принявъ благословеніе у патріарха, шествовалъ въ свою придворную церковь Благовѣщенія къ обѣднѣ, или къ себѣ въ хоромы; а патріархъ и весь церковный синклитъ—въ Успенскій соборъ также къ обѣднѣ.

Изъ царской казны раздавалась въ этотъ день милостыня нищимъ и неимущимъ. Бояре, со своей стороны, также разсылали по странно-пріимнымъ домамъ милостыню, надѣляли бѣдныхъ одеждою, давали имъ пріютъ, и, такимъ образомъ, новый годъ ознаменовывался благочестивыми дѣлами. И по

утреннее богослуженіе, а затѣмъ и божественная литургія. Въ Успенскомъ соборѣ богослуженіе совершалъ Стефанъ, архіепископъ Рязанскій, съ многочисленнымъ духовенствомъ. Между тѣмъ находившіяся въ Москвѣ войска выступали строемъ со всѣхъ концовъ Москвы и спѣшили въ Кремль съ распущенными знаменами, съ музыкою и барабаннымъ боемъ. Самъ царь, разставивъ войска на Ивановской площади, стѣшилъ въ Успенскій соборъ для слушанія божественной литургіи, по окончаніи которой преосвященный Стефанъ произнесъ слово, въ коемъ доказывалъ, что такая перемѣна необходима. Затѣмъ, со всѣми архіереями и многочисленнымъ духовенствомъ, совер-

Праздникъ Крещенія въ деревнѣ.

всей Россіи, хотя и не съ такою, какъ въ Москвѣ обстановкою, но въ томъ-же духѣ праздновалось новое лѣто 1 сентября. Такъ было до 1700 г. Съ наступленіемъ 18-го столѣтія, прекратилось и празднованіе Новаго года по старому.

Въ 1700 году новый годъ былъ празднуемъ уже въ январѣ мѣсяцѣ и нѣсколько иначе, чѣмъ прежде. Еще въ 1699 году 15 и 19 декабря царскими указами повелѣно было повсюду начинать новый годъ съ 1 января торжественнымъ молебствіемъ, съ колокольнымъ звономъ и пушечною и ружейною пальбою, гдѣ были крѣпости и царскія войска. Въ Москвѣ же совершалась особенная церемонія. Наканунѣ 1 января 1700 года улицы Москвы были устланы ельникомъ, а дома украшены зелеными вѣтвями. Когда наступила полночь, во всѣхъ церквахъ зазвонили къ заутрени; народъ спѣшилъ во храмы; совершалось

пено было благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, возглаголено многолѣтіе монарху и всему царскому дому, и вслѣдъ затѣмъ начался колокольный звонъ по всей Москвѣ, сопровождаемый пушечными и ружейными выстрѣлами. Царь принялъ поздравленіе и самъ поздравилъ народъ съ наступленіемъ Новаго года. Потомъ начались угощеніе и потѣшные огни. Народъ долго смотрѣлъ съ любопытствомъ на всю эту новизну, недоумѣвая, какимъ это образомъ государь могъ остановить теченіе солнца. Недовольные нововведеніемъ долгое время все-таки счѣтали новый годъ по старому обычаю.

